

¹ «*Hr (i) Hr*» — буквальное значение имени «мой владыка Гор».

² В антитезе: Рамсес XIII (точнее, XII, кстати, такой фараон или царевич не засвидетельствован источниками) — Херихор на Б. Пруса могли повлиять и его антиклерикальные настроения, и его иллюзии и надежды, связанные с воцарением молодых императоров — Николая II и Вильгельма II, противопоставляемых им Победоносцеву и Бисмарку (см. примечания Е. Цыбенко к русскому изданию романа Б. Пруса (66, с. 715—719)).

³ Уже после второй мировой войны Ч. Ф. Нимс специально занимался изучением надписей и изображений храма Хонсу с целью подготовки их полного научного, удовлетворяющего современным требованиям издания [437, с. 162, примеч. 16]. (Ч. Ф. Нимс являлся членом эпиграфической экспедиции Чикагского восточного института.) К сожалению, однако, из-за крайне скверного состояния надписей, покрывающих стены храма Хонсу, новое, критическое издание этих текстов до сих пор так и не появилось (см. [563, с. 1, примеч. 1, с. 3—4, примеч. 13]. Нет этих надписей, и в вышедших из печати выпусках обширной публикации текстов эпохи Рамессидов, осуществляемой К. А. Китченом [344].

⁴ На фаянсовой вазе № 3795 из Каирского музея Херихор титулован как фараон. Фараоном он представлен и в надписях переднего двора храма Хонсу, в надписях по бокам на косяках прохода из гипостильного зала в святилище и в одной строке текста в большом гипостильном зале Карнака (Херихор здесь надделен эпитетом «сын Амуна» см. [112, с. 60, 257; 347, с. 20—21, §17, с. 251, примеч. 42; 563, с. 4, примеч. 13]). Херихор характеризуется как фараон также и в тексте «Книги мертвых», принадлежащей его жене Неджемет, в которой он предстает в качестве «первого жреца» Амуна и фараона.

⁵ Папирус Британского музея 10541 (табл. 2) имеет справа боковое продолжение, распадающееся на три секции. В первой секции Херихор и Неджемет изображены молящимися [145, с. 178, табл. X; 146, табл. I-X]. Вторая и третья секции упоминаются в [264, фиг. 29, 206]. В издании 1964 г. обе эти секции обозначены как фиг. 2111 [265; см. также 258, § X; 347, с. 42, примеч. 173]. В Британском музее хранится, кроме того, отрывок иератического текста «Книги мертвых» (№ 10490), о владелице которого сказано, что она «царская мать» Неджемет, дочь «царской матери» Хереры [146, табл. I—X]. [С. 205] Отношение этого отрывка к основному тексту «Книги мертвых»: принадлежащей жене Херихора Неджемет (Pap. Brit. Mus., № 10541), не ясно. О невозможности традиционного отождествления данной Хереры (как тещи Херихора) с Херерой, фигурирующей в письмах преемника Херихора Пианха — скорее всего в качестве жены последнего, [171, № 2, 30, 38, 39; 563, с. 20, 65—66, 74], у нас пойдет речь ниже [120, с. 311; 347, с. 43, примеч. 184, 188, с. 44, примеч. 189—191; 564, с. 173, примеч. 145].

⁶ По поводу датировки, присутствующей в стк. 1 текста «Путешествия Ун-Амуна в Библ», в египтологической литературе были высказаны различные суждения: как полагали А. Эрман и Дж. Брэстед, в данном случае имелся в виду 5-й год царствования Рамсеса XI (XII) (137, т. IV, § 557; 221, с. 225]. Эд. Мейер считал, что под 5-м годом подразумевался 5-й год совместного правления Несубанебджеда (Смендеса) в Танисе и Херихора в Фивах после смерти последнего Рамессада. К аналогичному выводу пришел и Ю. фон Бекерат [116, с. 89; 407, с. 497]. В настоящее время большинство исследователей согласны с мнением Г. Кееса, что 5-й год, упоминаемый в стк. 1 текста «Путешествия Ун-Амуна в Библ», — это 5-й год эры «Повторения рождений», или, иначе, 23-й год царствования Рамсеса XI (последнего Рамессада) [334]. (По вопросу о датировке в стк. 1 текста «Путешествия Ун-Амуна в Библ» см. также [40, с. 34].)

⁷ Дж. Брэстед первым увидел в надписи на гробе Сети I слово, обозначающее титул «визирь» [137, т. IV, с. 288; 563, с. 3, примеч. 13].

⁸ О «Книге мертвых» Неджемет см. также [145, с. 178, табл. X; 146, табл. I-X; 258, § X; 264, фиг. 29, 206; 265, фиг. 21; 347, с. 42, § 38, примеч. 173—180; 396, с. 648, 650, 677, 678; 523, с. 14—15, № 10541].

⁹ Согласно Эд. Ф. Венте [564, с. 174, примеч. 149], выражение «*mst k; nht*» не может быть переведено как «рождённая могучим быком», поскольку в последнем случае должна была бы быть использована скорее конструкция «*irt n k3 nht*». С таким выводом согласен и К. А. Китчен [347], тем более что Неджемет в тексте папируса Британского музея № 10490 фигурирует как «царская мать», но не как «царская жена» или «царская дочь». Титул Неджемет «царская мать» вызвал еще у Эд. Навилля предположение, что данная Неджемет была матерью Херихора [432, с. 29—32]. Проблема эта долго дискутировалась. Мнение Э. Навилля, однако, не поддержали ни Г. Масперо,

ни А. Видеманн. Не получила признания и гипотеза В. Врещинского, будто бы существовали две Неджемт, из которых одна была матерью, а другая — женой Херихора [578]. В конце концов стало ясно, что была лишь одна Неджемт, которая являлась женой Херихора [258, с. 236; 347, с. 44, примеч. 191, § 39, с. 251, примеч. 41]. Однако сам титул Неджемт, утверждающий ее достоинство «царской матери», «родившей могучего быка», все еще беспокоит исследователей, поскольку известно, что у Неджемт, жены Херихора, не было родных детей, претендовавших на царский титул. В итоге было выдвинуто даже предположение, что Неджемт (а следовательно, и Херихор) являлась родительницей танисского фараона Несубанебджеда (Смендеса) или по крайней мере родительницей жены последнего. (Упоминание «могучего быка», т. е. фараона, рожденного Неджемт, по мнению Эд. Ф. Венте и К. А. Китчена, свидетельствует, впрочем, скорее в пользу первого допущения [347, с. 43, примеч. 186; 39, с. 44, примеч. 191; 564, с. 174, примеч. 149].) К рассмотрению этого вопроса мы еще вернемся.

¹⁰ Раньше Херера, о которой говорится в четырех письмах времени Пианха, как мы уже отмечали, отождествлялась с Херерой — матерью Неджемт (т. е. с тещей Херихора). В настоящее время подобное отождествление резонно поставлено под сомнение; скорее всего данная, другая Херера была женой Пианха [120, с. 311; 347, с. 44—45, примеч. 196, 197; 564, с. 173—174, примеч. 145].

¹¹ О дискуссии, возникшей в связи с интерпретацией текста оракула от 7-го года эры «Повторения рождений», см. [116, с. 111; 242, с. 305; 306, с. 204—205; 317, гл. XIII, с. 102, примеч. 5; 318, с. 319; 335, с. 14—15; 347, с. 17—23, примеч. 75, 76, 81—87, § 15—19; 563, с. 3, примеч. 13; 564, с. 175; 576, с. 306—307; 580, с. 109—110, 112, примеч. 64]. Высказанное Эд. Ф. Венте [С. 206] предположение, что Пианх не был сыном Херихора [566, с. 36—38], мы специально рассмотрим ниже.

¹² В начале 70-х годов М. Л. Биэбрайе высказал предположение, что непосредственным предшественником Херихора в должности верховного фиванского жреца был не Аменхотеп, а ранее никому не известный «первый жрец» Амуна-Ра, царя богов, Рамсесунахт II [123]. С аргументацией М. Л. Биэбрайе мы, однако, согласиться не можем. Так называемый Рамсесунахт II, по нашему мнению, никогда не существовал [80].

¹³ У Херихора было 19, а может быть, и 20 сыновей и не менее 5, если не 19 дочерей.

¹⁴ Впоследствии Эд. Ф. Венте, как мы уже указывали, добавил еще один, и, как ему представляется, решающий, аргумент в поддержку своей интерпретации титулов Неджемт, а именно то, что Неджемт не была матерью Пианха и, стало быть, не являлась бабушкой Пиноджема I [566, с. 37—38]. Насколько спорен подобный тезис, мы уже говорили выше.

¹⁵ Вот почему, как отмечает Эд. Ф. Венте, «Неджемт не смогла получить титул „царской матери“ (king's mother) в надписях, составленных при ее жизни» [564, с. 174].

¹⁶ Как писал А. Гардинер, «ранние стадии карьеры Херихора окутаны тайной» [242, с. 302]. Об интересующих нас проблемах генеалогии см. также [122].

¹⁷ По словам В. Хелка, «царский сын Куша» Панехси вторгся в Фиваиду потому, что хотел вырвать у верховного фиванского жреца Аменхотепа контроль над так называемыми землями «хата фараона» [312, с. 242, 247]. Если согласиться с таким выводом, то, казалось бы, можно было бы обосновать мысль, что вторжение войска Панехси в Египет было экономически выгодно для фараона Рамсеса XI. Между тем, хотя, по данным Туринского папируса 1895+2006, руководство в районе Фив землями «хата фараона» в 12-й год царствования Рамсеса XI действительно осуществлял Панехси, сведений о том, что делал он это с пользой для фараона, нет. Тем самым из данного факта невозможно извлечь дополнительное подтверждение справедливости тезиса о желательности для Рамсеса XI вторжения воинства Панехси в Египет.

¹⁸ Как отмечал и Эд. Мейер, «все его (Херихора.— *И. С.*) преемники по верховной жреческой власти удерживали военный титул» [407, с. 499].

¹⁹ В противоположность Г. Кеесу В. Хелк считает, что после провозглашения эры «Повторения рождений» в Фивах при Херихоре вновь утвердилась власть верховного жреца, пришедшая на смену «военной диктатуре» Панехси [306, с. 204].

²⁰ Предположение М. Л. Биэбрайе о существовании у «первого жреца» Амона Аменхотепа сына и наследника, некоего Рамсесунахта II [123, с. 195—199], как мы уже имели возможность показать, не является убедительным [80].

²¹ Как писал Г. Масперо, «вероятно, Херихор непосредственно наследовал Аменхотепу» [395, с. 562]. По словам Ж. Веркуттера, фараон, устранив Аменхотепа (?— *И. С.*), «какое-то время остерегался назначить преемника, но вскоре, то ли потому, что почувствовал себя неспособным управлять самостоятельно (?— *И. С.*), то ли потому, что оставшееся жречество оказало на него сильное давление (?— *И. С.*), то ли потому, наконец, что, будучи малопроницательным (?— *И. С.*),

он просто пожелал возвысить фаворита, Рамсес XI назначил Херихора великим жрецом Амона» [548, с. 100].

По мнению А. Гардинера, Херихор мог получить титул «царского сына Куша» вместе с другими должностями «не ранее чем после поражения Панехси» [242, с. 302]. Согласно утверждению Г. Фехта, хотя и не исключена полностью возможность существования какого-то эфемерного верховного фиванского жреца, который бы наследовал должность Аменхотепа непосредственно перед приходом к власти Херихора, для него все же «наиболее вероятным является то, что Херихор непосредственно следовал за Аменофисом» (Аменхотепом) [230, с. 25].

Как считал Я. Черны, «Херихор был зятем (?— *И. С.*) Аменхотепа и мог иметь право, более чем кто-либо другой, наследовать ему в должности верховного жреца; существует также возможность, что после захвата свободной должности верховного жреца он (Херихор.— *И. С.*) должен был жениться на Ноджуме (Неджемт.— *И. С.*), приобретя некоторое дополнительное (право) [С. 207] претендовать на нее (т. е. на должность.— *И. С.*). Кажется, таким образом, почти определенным, что своим падением Аменхотеп был обязан не Херихору, но только Панехси. Нельзя точно установить дату, когда Херихор стал верховным жрецом. Безопасно может быть резюмировано только то, что это событие имело место в какое-то время между занятием Фив Панехси, вероятно незадолго до 12-го года правления Рамсеса XI, и 19-м годом того же фараона, так как неназванный верховный жрец, современник папируса о разграблении гробниц, должен был быть Херихором» [168, с. 33].

По словам В. Хелка, «верховный жрец *Imn-ḥtp*, вероятно, в этих сражениях (т. е. в борьбе с Панехси.— *И. С.*) лишился жизни, поскольку он более не „упоминается“, что же касается Херихора, то он стал военачальником при *P3-nḥsj* (?—*И. С.*)» [306, с. 203—204].

Как полагал Г. Кеес сообразно со своей концепцией о первоначальном союзе Панехси с Херихором, сам Панехси назначил Херихора на свободную должность «первого жреца» Амуна-Ра, царя богов [334, с. 1—20]. Такого же мнения придерживается и Г. Фехт. Последний считает, что Херихор был фиванским верховным жрецом в течение всего периода господства в Фивах Панехси [230, с. 26].

²² Как заявляет Э. Горнунг, имея в виду «должностное время Херихора» (*Die Amtszeit Herihors*), «его начало в 18-й или 19-й год правления Рамсеса XI установлено прочно» [318, с. 439(2)].

²³ Как справедливо подчеркнул В. Хелк, эра «Повторения рождений», вопреки мнению Ю. фон Бекерата, не могла быть введена в Фивах фараоном якобы после восстановления мира в древней столице с помощью Панехси [116, с. 94]. «Определяющим период *whm mšwt* является... как раз то, что он празднует вытеснение *P3-nḥsj*, который с его (т. е. периода *whm mšwt*.— *И. С.*) введением исчез (со страниц) истории и был детерминирован как „павший враг“» [307, с. 176, примеч. 7].

²⁴ По поводу спора между Ю. фон Бекератом и Г. Кеесом о том, кто был инициатором введения эры «Повторения рождений» — Рамсес XI или Херихор, следует сказать, что возникнуть этот спор мог только потому, что Ю. фон Бекерат обратил главное внимание на внешние признаки эры «Повторения рождений», содержащей идею торжества фараона над своими врагами, тогда как Г. Кеес отметил первенствующее значение реальных обстоятельств, свидетельствующих о господстве в Фивах (при введении новой эры) Херихора [116, с. 91, 93—94, 111; 334, с. 1—20; 335, с. 6].

Мы полагаем, что, когда провозглашалась эра «Повторения рождений», «первый жрец» Амуна-Ра преследовал цель под прикрытием официально декларируемой преданности Рамсесу XI облегчить для себя постепенный захват фактической власти в древней столице Египта. Если, согласно справедливому мнению Г. Кееса, сам Херихор и был фактическим учредителем новой эры, то оформлена эта эра была, на что указал Ю. фон Бекерат, явно в качестве детища сугубо царской инициативы (правда, не в знак победы Панехси, как полагал Ю. фон Бекерат, а по прямо противоположной причине).

(История вопроса об эре «Повторения рождений» подробно изложена в уже упоминавшихся работах Г. Кееса и Ю. фон Бекерата [204, с. 389].) Первым, кто определил время «Повторения рождений» как эпоху официальной реставрации власти фараона после периода вторжения в Фивы воинства Панехси, был Т. Пит [452, с. 67].

С этим выводом впоследствии согласились Я. Черны и Г. Лефевр [172, с. 194—198; 368, с. 199].

²⁵ Визирь Небмаатранахт в 19-й и 20-й годы царствования Рамсеса XI (1-й и 2-й годы эры «Повторения рождений») руководил в Фивах судебными разбирательствами по делам о грабежах в храмах и в царском некрополе [см. папирус Ливерпульского музея, № 11162 (папирус Майер А), папирус Британского музея, № 10052, папирус Британского музея, № 10383, папирус Британского

музея, № 10221 (папирус Аббот)] [449, т. I, с. 129—169, т. II, табл. XXIII—XXIV, стк. 6—7, 20, табл. XXV—XXXV, стк. 4, 4; 451].

²⁶ Дж. Брэстед утверждал, что в храме Хонсу «со времени Рамсеса III были закончены лишь святая святых и задние покои» [25, т. II, с. 202]. Однако, как свидетельствует К. Михаловский, гипостильный зал существовал уже [С. 208] при Рамсесе III [57, с. 28, фототаблица № 85 — «Храм Хонсу. Северо-восточная угловая часть гипостильного зала времени Рамсеса III»; см. также 137, т. IV, с. 299, § 608].

²⁷ Как мы уже отмечали, храм Хонсу нуждается в тщательном изучении с целью издания на современном научном уровне его многочисленных изображений и надписей. К сожалению, такая работа не осуществлена, хотя еще в 1967 г. Эд. Ф. Венте с полным основанием писал: «Храм Хонсу, все еще неадекватно описанный, требует серьезного рассмотрения, поскольку он является главным источником документации о верховном жреце и царе Херихоре» [563, с. 1, примеч. 1].

²⁸ Может быть, не без желания довести до сведения прежде всего широких масс простого народа Фив свой замысел захватить высшую власть в стране Херихор и повелел начертать (в полном наборе) свои титулы фараона в переднем дворе храма Хонсу.

²⁹ Полагаем, что нет никаких оснований допускать личное присутствие Рамсеса XI во всех тех обрядовых действиях, которые в соответствии с традицией должны были возглавляться фараоном и потому вместе с ним и были зафиксированы в гипостильном зале храма Хонсу. Противоположное мнение Дж. Брэстеда, как нам кажется, не столько соответствует истине, сколько красочно и увлекательно: «Подобно призрачному калифу, перевезенному египетскими султанами из Багдада в Каир и некоторое время сохранявшему там свои мнимые прерогативы, несчастный Рамсес XII (т. е. Рамсес XI.— *И. С.*) был переселен в Фивы из своей резиденции в Дельте, с тем чтобы церемониал древней фараонической традиции мог поддерживаться еще в течение короткого времени» [25, т. II, с. 202].

³⁰ Я. Черны полагает, что для захвата должностей Панехси Херихору требовалось лишь изгнание последнего из Фив. Он пишет: «Скоро после 17-го года (в этот год царским сыном Куша является еще Панехси) Херихор должен был сделать следующий шаг в направлении расширения своего могущества путем притязания на титулы и должности Панехси как царского сына Куша и начальника южных стран» [168, с. 33].

³¹ В надписи на гробе Сети I Херихор назван «визирем, начальником войска и „первым жрецом“ Амуна-Ра, царя богов». В испорченной надписи на крышке гроба Рамсеса II Эд. Ф. Венте, как и Дж. Брэстед, обнаружил титулатуру Херихора аналогичного характера: «визирь (Г. Даресси ошибочно читал соответствующее слово как царь), великий начальник войска во всей земле, „первый жрец“ Амуна-Ра, царя богов» [563, с. 3, примеч. 13].

³² По мнению А. Вайля, «на протяжении всего Нового царства, вплоть до конца XXII династии, существовала тесная связь между визирями и верховным жречеством Амона» [560, с. 174]. В то же время Г. Лефевр утверждает, что визирь Пасер, сын Небчеру, был лишь одноименным современником «первого жреца» Амуна-Ра Пасера, известного по каирской статуе № 42156. Что же касается «первого жреца» Амуна-Ра Рамсесунахта (отца Аменхотепа), которому А. Вайль приписывал исполнение должности верхнеегипетского визиря [560, с. 114, 171], то, по словам Г. Лефевра, в данном случае А. Вайлем была допущена ошибка, вызванная неточной интерпретацией стк. 2 очень испорченной записи на каирском остраконе № 25271 [367, с. 63, примеч. 3, 4]. О совмещении в руках одних и тех же лиц светских и жреческих должностей см. [81, с. 47—56; 104, с. 68; 105, с. 7—8; 215, с. 156; 494, с. 32, 33, 171; 560, с. 69, 70, 73—76, 89—90, 93—95, 102, 104, 111, 114—115, 170, 174].

³³ По словам К. А. Китчена, до Херихора «в течение всего предшествующего (периода) Нового царства ни один верховный жрец Амуна... не обладал собственно военными титулами... Только двое [Рама-Раи и Бакенхонсу В (т. е. II.— *И. С.*)] были начальниками отрядов молодых воинов Амуна или его хозяйства, т. е. чисто внутренними распорядителями человеческой энергии владений Амуна в Фивах, и не имели ничего общего с реальными военными силами Египта» [347, с. 18—19, примеч. 80].

³⁴ Текст А на свитке папируса в виде вертикальных строк, располагающихся справа налево.

³⁵ Текст В на цоколе статуи в виде одной строки, идущей справа налево [367, с. 66—67]. [С. 209]

³⁶ Текст на статуе, извлеченной Ж. Легреном из карнакского тайника во дворе перед VII пилоном, отражает определенный этап в развитии концепции амунократии — фиванской религиозно-политической доктрины, с помощью которой Херихор стремился обосновать свои честолюбивые

притязания. Хронологически данный текст, по-видимому, очень близок времени фиксации в переднем дворе храма Хонсу решения оракула Хонсу и Амуна. Возможно, текст на статуе немного более позднего происхождения, коль скоро в самом оракуле Херихор еще прямо визирем не называется.

³⁷ Как справедливо констатирует. К. А. Китчен, «это царство полностью замыкалось в храмовых стенах в пределах Карнака и в заупокойном снаряжении Херихора и его семьи» [347, с. 20—21, § 17].

³⁸ Как мы уже отмечали, о царском звании Херихора свидетельствуют помимо надписей переднего двора, косяков прохода из гипостильного зала в святилище и пилона храма Хонсу еще одна строка текста в большом гипостильном зале центрального храма Карнака, надпись на фаянсовой вазе из Каирского музея № 3795 и записи в «Книге мертвых», принадлежащей жене Херихора Неджемет [112, с. 60, 257; 124, № 3795, с. 61; 258, с. 236, § XVIII; 347, с. 20—21, § 17, с. 251, примеч. 42; 563, с. 4, примеч. 131].

³⁹ Противоположная точка зрения о значении, для установления времени смерти Херихора, оракула, датированного 7-м годом эры «Повторения рождений», высказана в следующих работах [317, с. 102, примеч. 5; 318, с. 439; 335, с. 14-15; 437, с. 161; 580, с. 112, примеч. 64].

⁴⁰ Мнение, что Херихор унаследовал власть от последнего Рамессиды, на долгие годы, как мы уже отмечали, стало, общепризнанным и потому отразилось и в популярном романе Б. Пруса. Об этой традиционной точке зрения см. также [137, т. IV, с. 295, § 605, с. 304—307, § 619—626; 258, § XII, примеч. 4].

⁴¹ К проблеме датировки путешествия Ун-Амуна мы еще вернемся несколько ниже.

⁴² Оба имени Херихора заключены в картуши.

⁴³ В тексте на фасаде возведенного им пилона перед передним двором храма Хонсу Херихор характеризуется именами и титулами, аналогичными тем, которые встречаются в надписях переднего двора [158, т. II, с. 226; 381, ч. III, с. 248, i, h].

⁴⁴ На стеле изображены Пианх, Несиамуна и Несиаmun. Первый показан в спокойной позе, с опущенными вдоль туловища руками; второй представлен в жреческом одеянии — в шкуре пантеры со свисающим хвостом; третий зафиксирован в позе прославления, с высоко поднятыми руками.

⁴⁵ Здесь стоит необычно выписанная иероглифическая группа, соответствующая, как указывает Ч. Ф. Нимс, слову *šmw* [437, с. 159, примеч. «с»].

⁴⁶ По мнению Ч. Ф. Нимса, здесь в начале стк. 13 прослеживаются знаки выражения *m[t]r* [437, с. 159, примеч. «с»].

⁴⁷ По мнению Ч. Ф. Нимса, в начале стк. 14 прослеживается запись слова *smn* («укреплять») [437, с. 159, примеч. «g»].

⁴⁸ По мнению Ч. Ф. Нимса, в третьем слове от начала стк. 14 (*sk3*) присутствует детерминатив, указывающий на то, «что этот пьедестал имел прикрепленные шесты и таким образом был переносимым» [437, с. 159, примеч. «h»].

⁴⁹ В начале стк. 17, ссылаясь на мнение Г. К. Хьюджеса, Ч. Ф. Нимс предлагает приблизительное восстановление знаков в лакуне как [*k pr*], т. е. как *p3[j].[k pr] = th[y] [estate]* [437, с. 159, примеч. «k»].

⁵⁰ *hn r wr spj*; см. Wb. II, 492, 494. Как полагает Я. Черны, данное выражение можно переводить иначе: «дважды энергично двинулся вперед», поскольку, по мнению Я. Черны, при положительной ответе оракула переносные носилки со статуей божества двигались вперед, а при отрицательном — назад [169].

⁵¹ Восстановление слова в лакуне как *šhnrw* было предложено А. Гардинером и Я. Черны [437, с. 159, примеч. «o»].

⁵² *iw.f dit iwd = caused (the) setting apart* [437, с. 159, примеч. «p»].

⁵³ *rwdw*. [С. 210]

⁵⁴ *wn [tw] iwd = (have been) set apart*. Здесь по аналогии с предлогом *r-iwd* ошибочно выписано *wn[tw]r-iwd* [437, с. 159, примеч. «q»].

⁵⁵ В дополнение к уже упомянутым письмам, в которых Пианх назван только начальником войска, интересно сослаться еще на два письма, где Пианх фигурирует и как «первый жрец» Амуна-Ра, царя богов, и как начальник войска (а также как носитель опахала с правой стороны царя, царский сын Куша, начальник южных стран, начальник житниц фараона, начальник лучников фараона) [563, № 28, 40, с. 59, 75].

⁵⁶ Как указывает К. А. Китчен, в пользу толкования данных оракула Амуна относительно времени смерти Херихора, предлагаемого А. Гардинером, Я. Черны, Эд. Ф. Венте и самим К. А. Китченом, высказались также В. Вольф, С. Вениг, Ю. фон Бекерат [347, с. 18, примеч. 75].

⁵⁷ Как отмечает К. А. Китчен, и в записях на гробах Сети I и Рамсеса II, сделанных в 6-й год эры «Повторения рождений», и на остраконе Каирского музея № 25745 Херихор нигде не назван фараоном. Когда же Пианх пишет письмо своей матери Неджемет (жене Херихора) (письмо № 35) [171; 563], он называет ее «старшей гарема Амуна», но не «царицей» в отличие от подобного титулования Неджемет в переднем дворе храма Хонсу и в ее заупокойных текстах [347, с. 21, примеч. 92].

⁵⁸ К. А. Китчен указывает и на другие факторы помимо отмеченных выше, противоречащих старому, традиционному мнению, будто бы Херихор стал фараоном после смерти Рамсеса XI. В частности, он обращает внимание на то что, согласно данным письма № 9 [171; 563], в 10-й год эры «Повторения рождений», в первый месяц периода шему, в 26-й день, Пианх уже носил все титулы и звания Херихора (кроме царского титула). Аналогичны в этом отношении и многие другие письма (например, письмо № 28). Поскольку царствующим фараоном в 10-й год эры «Повторения рождений» был все еще Рамсес XI, совершенно очевидно, что Херихор к этому времени уже умер, и потому Пианх смог в этот год (в 28-й год царствования Рамсеса XI) воспользоваться всеми титулами и званиями (кроме царского титула) своего отца. Общий вывод К. А. Китчена относительно текста оракула, датированного 7-м годом эры «Повторения рождений», с нашей точки зрения, абсолютно бесспорен: «Подобно какой-либо другой надписи, она была высечена в пределах умеренно короткого времени, (когда произошло) отмеченное событие, в данном случае действительно в 7-й год эры „Ренессанса“. В это время Херихор уже умер и все его функции (помимо функции фиктивного „царствования“) перешли к Пианху, обнаруживаемому активным в 10-й год эры и, если можно (судить) на основании одной гипотезы, не намного позже, прежде чем его сын Пиноджем I наследовал ему» [347, с. 21—22].

⁵⁹ На невозможность для Херихора домогаться у Хонсу и Амуна санкции на захват царского престола в том самом документе, в котором сохраняется датировка по годам царствования Рамсеса XI, справедливо указывает Ю. фон Бекерат [116, с. 95].

⁶⁰ Эра «Повторения рождений» была прежде всего фиванской эрой, почему она могла, например, не использоваться в датировке на абидосской стеле частного лица № 1173, относящейся к 27-му году правления Рамсеса XI. (По поводу характера датировки на этой стеле были высказаны различные суждения; например, см. [116, с. 90—91; 230, с. 29; 307; 335, с. 6].)

Полагаем, что мнение В. Хелка и Г. Фехта, отметивших преимущественно фиванский характер эры «Повторения рождений», является наиболее обоснованным и наилучшим образом разъясняющим специфику датировки на абидосской стеле от 27-го года правления Рамсеса XI.

⁶¹ О возрасте в 110 лет как идеальном сроке человеческой жизни, с точки зрения древних египтян, см. [323, с. 33—44; 366, с. 106—118; 522, с. 41].

Интересно отметить, что в тексте «Путешествия Ун-Амуна в Библ» содержится совет Ун-Амуна правителю Библа исполнить возложенное на него поручение Амуна, а затем поставить стелу, на которой написать: «(2, 56)... Срубил (2, 57) я его (т. е. строительный лес.— И. С.), снабдил я его своими судами и командами, сделал я, чтобы достиг он Египта, чтобы вымолить мне (2, 58) 50 лет жизни у Амона вдобавок к моей судьбе» [40, с. 31, стк. 2, 56—2, 58]. [С. 211]

По всей вероятности, в данном случае царьку Библа советуется вымолить у Амуна именно 50 лет исключительно потому, что в год посещения Библа его правителю, по мнению Ун-Амуна, было 60 лет и до предельного возраста в 110 лет ему нужно было еще прожить как раз 50 лет. Херихору же в год оракула не хватало до предельного возраста в 110 лет только 20 лет, и, следовательно, ему уже было 90 лет. В данной связи отметим, что предположение К. А. Китчена, будто бы Херихор пришел к власти в возрасте 71 года, а умер через 6 лет, в возрасте около 77 лет, опирается лишь на ничем не подкрепленную гипотезу, согласно которой Херихор мог быть старше своего сына Пианха ориентировочно на 20 лет. Поскольку точный возраст Пианха в годы возвышения Херихора неизвестен, а весь свой расчет К. А. Китчен строит только на допущении, что Херихор мог бы стать отцом Пианха как минимум в 20 лет, предлагаемое К. А. Китченом определение возраста Херихора малоубедительно и, во всяком случае, значительно уступает по своей доказательной силе точным данным оракула Хонсу и Амуна.

(Как полагает К. А. Китчен, Пианх при вступлении в должность верховного фиванского жреца уже достиг 57 лет, а умер он через 4 года, в возрасте 61 года [347, с. 79, 252].) Предположение Ю. фон Бекерата, будто бы обещание Херихору 20 лет жизни задним числом санкционировало уже проведенный им срок пребывания в должности верховного фиванского жреца (см. [116, с. 95, примеч.

520)), нельзя признать справедливым, поскольку до 12-го года царствования Рамсеса XI в Фивах «первым жрецом» Амуна-Ра, царя богов, был Аменхотеп, и нет никаких оснований думать, что в период владычества Панехси в Фивах (т. е. по крайней мере с 12-го по 17-й год правления Рамсеса XI) Херихор уже был фиванским верховным жрецом. Таким образом, невозможно определить, на какие конкретные годы пришлось бы предполагаемое Ю. фон Бекератом двадцатилетнее пребывание Херихора в высшей фиванской жреческой должности. По всем данным, Херихор мог занять в Фивах место «первого жреца» Амуна-Ра, царя богов, лишь после изгнания Панехси, скорее всего в 19-й год царствования Рамсеса XI, иначе, в 1-й год эры «Повторения рождений», а коль скоро в 7-й год этой новой эры (в 25-й год правления Рамсеса XI) Херихора уже не было в живых, для предполагаемого Ю. фон Бекератом двадцатилетнего периода пребывания Херихора в должности фиванского верховного жреца нельзя найти соответствующего временного определения.

⁶² Ссылаясь на приведенное нами сообщение Эд. Ф. Венте, К. А. Китчен предполагает, что на внутреннее оформление переднего двора храма Хонсу могло уйти два года (см. [347, с. 252, примеч. 45]).

⁶³ Фиванская концепция владычества над миром Амуна — концепция амунократии—хорошо заметна во многих строках текста «Путешествия Ун-Амуна в Библ» (см. [40, стк. 1, 3; 1, 4; 1, 5; 1, 14; 1, 15; 2, 28; 2, 30; 2, 31; 2, 32; 2, 33; 2, 34; 2, 35; 2, 36; стк. 26, 27, 29, 30, 54, 55]).

⁶⁴ М. А. Коростовцев пишет: «Отсутствие титулов фараона при имени *H^c-m-w³s* еще ничего не говорит; ведь в отчете Ун-Амуна имена Херихора и Несубанебджеда также не сопровождаются никакими титулами. Отметим, что и в знаменитой стеле из оазиса Дахлиэ имя Шешонка стоит без картуша, ему предшествует „фараон“. По этому поводу Гардинер замечает: «Отсутствие картуша не имеет значения на иератической стеле из провинции» (А. Gardiner. The Dakhleh stele.— JEA. 1933, 19, с. 23)» [40, с. 57—58].

⁶⁵ Такого же мнения придерживаются Эд. Ф. Венте и К. А. Китчен [347, с. 5, § 2, примеч. 13, 14, с. 17, § 14; 564, с. 158).

⁶⁶ Стремление освободиться от несколько (в определенных обстоятельствах) неудобного для фараоновского деспотизма религиозного статуса фараона как младшего партнера божественного мира было, по нашему мнению, одной из причин реформаторской деятельности Эхнатона, попытавшегося путем ниспровержения культов богов и провозглашения (на заключительном этапе реформы) культа не бога, а царя Атона восстановить в идеологическом плане тот абсолютный, сверхъестественный ранг фараона, который был у земных владык Египта в ранний период эпохи Древнего царства, когда фараон как воплощение Гора, высшего универсального небесного бога, считался во всем равным богам мироздания. Как писал С. Олдред, «эгоцентричная мания [С. 212] величия (Эхнатона) могла видеть божество только как гигантскую тень, отбрасываемую фараоном. Атон есть небесный царь, который полностью подобен своей земной копии» [97, с. 260]. Замыслы Эхнатона, по словам С. Олдред, «имели сильный антикварный аромат и выражали попытку восстановить верховенство фараона, которое было в раннем Древнем царстве» [97, с. 258].

⁶⁷ Отрицая обожествление фараона древними египтянами, Ж. Позенер исходит из современного представления об абсолютном могуществе и совершенстве божества, что было несвойственно древним религиям.

⁶⁸ Стк. 2, 51; 2, 53 (см. [40, с. 31, 130]). «Горово» имя «Хаемуас» было у двух последних фараонов Рамессидов—у Рамсеса IX и Рамсеса XI. Кроме того, имя «Хаемуас» носил еще и тот верхнеегипетский визирь времени царствования Рамсеса IX, при котором в Фивах происходило судебное разбирательство по делу о хищениях в царском некрополе. В тексте «Путешествия Ун-Амуна в Библ», однако, явно имелся в виду фараон, и скорее всего Рамсес XI, а не визирь Хаемуас (вопреки противоположному мнению Я. Черны; см. [168, с. 40]), поскольку визирь не мог бы отсылать (при Рамсесе IX) в Финикию экспедицию от своего имени (а не от имени фараона, верным слугой которого он был). Следует учитывать также, что и правитель Библа Чакар-Баал не стал бы называть членов подобной экспедиции «посланцами Хаемуаса» (стк. 2, 51), имея в виду при этом посланцев лишь какого-то визиря Хаемуаса, но не Хаемуаса-фараона. (Хаемуаса, упоминаемого в тексте «Путешествия Ун-Амуна в Библ», интерпретировал как фараона Рамсеса XI и Ю. фон Бекерат. Такого же мнения придерживался и М. А. Коростовцев; см. [40, с. 34, 57].)

⁶⁹ Это место лучше переводить в настоящем времени.

⁷⁰ Как сказано И. Г. Лившицем в комментарии на соответствующее место в тексте «Путешествия Ун-Амуна», под Хаемуасом следует подразумевать, «возможно, одного из высших египетских чиновников... В пользу последнего предположения говорит, быть может, несколько необычное (если считать, что в папирусе речь идет о фараоне) в устах египтянина подчеркивание

того обстоятельства, что Хаемуас был только человеком. По воззрениям древних египтян, фараон был земным воплощением божества» [42, с. 278, примеч. 67].

⁷¹ Как давно уже отмечено, постепенное умаление божественного авторитета фараона (начиная с середины эпохи Древнего царства) происходило одновременно с распространением гелиопольского культа Ра — «отца» фараона и развитием концепции о сыновних связях фараона со всеми богами (и богинями) мироздания (см., например, [405, § 252]). Подобное умаление низводило фараона как бы до положения божества второго ранга, зависящего от великих богов — «родителей», но все же не лишало веры современников в наличие у него тех божественных качеств, которыми он обладал в силу своей «плотской» связи со сверхъестественным миром богов.

⁷² Как известно, по идее только фараон мог возглавлять культ своих божественных «родителей», в том числе культ Амуна-Ра, почему каждый фараон имел возможность стать верховным жрецом культа любого бога. [Именно по этой причине Рамсес II в первый год своего самостоятельного царствования (или во время соправления с Сети I) и занимал должность фиванского «первого жреца» Амуна-Ра, царя богов.] Однако фараоны обычно поручали несколько утомительные культовые обязанности специально назначенным лицам жреческого звания. В «царствовании» Херихора — фараона и жреца наблюдалось как бы восстановление той древней традиции, о которой А. Морэ писал: «Египет знал оригинальную концепцию религиозной царской власти: фараон отличается от других царей-жрецов тем, что он связан с богами как по рождению, так и вследствие жреческого достоинства. Он бог, поскольку он жрец, но он жрец лишь постольку, поскольку он „сын богов”» [424, с. 320].

⁷³ Л. Какоши связывает «низведение» Рамсеса XI до уровня простого человека (в тексте «Путешествия Ун-Амуна») и становление фиванского «государства бога» Амуна с «мировоззренческим» кризисом, якобы вызванным отказом от древних религиозных постулатов, что привело к заполнению духовного «вакуума» народными поверьями и настроениями скепсиса (см. [329, с. 38—40]). В действительности, как мы полагаем, в данном случае проявила [С. 213] себя сепаратистская политическая тенденция, сознательно направленная на умаление авторитета царствующего фараона.

⁷⁴ Как утверждал Ю. фон Бекерат, развивая идеи Г. Кееса, крах династии Рамессидов знаменовал собой и победу культа Амуна над культом Сетха, причем сама эта победа отражала торжество (правда, только в идеологическом плане) Верхнего Египта над Нижним [116, с. 98]. Не приходится, конечно, отрицать, что фараоны Рамессиды почитали свое родовое божество Сетха (а наряду с ним и его «врага» Осириса).

Однако, по нашему мнению, не следует считать фараонов Рамессидов такими еретиками, с которыми якобы вели борьбу ортодоксальные сторонники культа Амуна. Рамессиды, как известно, отнюдь не отвергали фиванского Амуна-Ра, которому ревностно поклонялись и для которого возводили, роскошные сооружения и в Фивах и в Пер-Рамсесе. Нам представляется, что во времена, Херихора и Пианха фиванская доктрина о владычестве над миром Амуна-Ра, царя богов, была использована для борьбы с Рамсесом XI не как с приверженцем культа Сетха, а потому, что в эти годы доктрина амунократии могла быть использована как действенное средство определенной фиванской политики, направленной на оправдание притязаний верховного фиванского жреца и фактического властелина Верхнего Египта на царский престол еще при жизни и в годы правления Рамсеса XI.

ЭХНАТОН — РЕЛИГИОЗНЫЙ РЕФОРМАТОР И ПОЛИТИК
(К ПРОБЛЕМЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЛИГИИ
В ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ)

¹ Одним из многих «новых людей» Эхнатона был вельможа Май, называвший себя в своей гробничной надписи «немху», т. е. «сиротой» (см. [90, с. 92—93; 492, с. 61]).

² Подтверждения сказанному можно найти в истории разных народов. Вспомним хотя бы византийского императора Юстиниана. Когда Юстиниан сделал своей женой и всемогущей императрицей Феодорой бывшую танцовщицу и, куртизанку, это вызвало возмущение и затаенный гнев придворной аристократии, оскорбленной необходимостью падать ниц, чтобы поцеловать багряный сапожок на ноге той, что недавно была балаганной плясуньей и всем доступной блудницей. Придворная аристократия была недовольна ужесточением императорского самодержавного деспотизма, и эти ее чувства выразил Прокопий Кесарийский, придворный историограф Юстиниана, когда писал свой полный горечи, злобный (хотя отчасти и справедливый) памфлет, посвященный императорской чете,— так называемую «Гайную историю» царствования Юстиниана (см. ВДИ. 1938, № 4).

³ Как писала М. Э. Матье, «конница же была государственной и, естественно, стала опорой фараонов. А средоточием конницы был север — это обусловилось и наличием богатых пастбищ, и близостью к азиатской и ливийской границам. В течение XV в. до н. э. Мемфис становится крупным военным центром и резиденцией наследника престола, который, по обычаю, бывал главным военачальником. Таким образом, возвышение виднейшего северного культа (гелиопольского культа Ра.— *И. С.*) было продиктовано требованиями внешней и внутренней политики фараонов» (47, с. 24).

⁴ Вот как, в весьма туманной и завуалированной форме, говорит Эхнатон об этих неприятных для себя вещах: «Если же не сотворят в нем (в Ахетатоне.— *И. С.*) погребений (его самого, Нефертити, их детей и вельмож.— *И. С.*), это хуже, чем то, что я слышал в первом году (т. е. с самого начала царствования.— *И. С.*), это хуже, чем то, что слышал Небмаатра (Аменхотеп III.— *И. С.*), это хуже, чем то, что слышал Менхепура (Тутмос IV.— *И. С.*)...» (цит. по [47, с. 9]).

⁵ Само собой разумеется, что специфическая структура семьи Эхнатона могла сыграть роль лишь дополнительного стимула, но не первопричины в деятельности реформатора. Религиозная реформа Эхнатона была постепенно подготовлена конфликтом между царской властью и высшими кругами столичной администрации, тесно связанными с влиятельным культом фиванского Амуна-Ра. Эхнатон, который под оболочкой религиозной реформы осуществлял [С. 214] политику максимального укрепления своего царственного авторитета, стремился избавиться от людей, которые могли как-то ограничить его самовластие, и потому создавал новый административный аппарат, укомплектованный во всем послушными ему чиновниками. Выразителем же интересов особых «демократических» социальных групп Эхнатон, конечно, никогда не был. Так называемые «немху» («сироты»), которых он возвышал, были нужны Эхнатону только потому, что эти новые, всем ему обязанные чиновники были покорными исполнителями его воли. (Среди приближенных Эхнатона были и представители старой чиновной знати.) Что касается религии Атона, то она наилучшим образом обосновывала и освящала абсолютную власть фараона-деспота.

⁶ Некоторые исследователи (Н. W. Fairman, С. Aldred, К. A. Kitchen) высказывали предположение о длительном соправлении Аменхотепа IV (Эхнатона) с Аменхотепом III, продолжавшемся 8 или даже 11 лет. Подобную гипотезу, однако, в настоящее время нельзя считать достаточно обоснованной (см. [317, с. 71—78; 346]).

⁷ Р. Силверберг предполагает без какого-либо доказательства, что Иуйя был сирийским царевичем [525, с. 29].

⁸ Возможно, именно Эйя был автором замечательного поэтического гимна Атону, текст которого сохранился в его гробнице (см. [90, с. 90—92; 492, с. 93—96]).

⁹ Эйя кроме уже перечисленных нами носил еще титулы «писец царя» и «носитель опахала с правой стороны царя» [507, с. 169—170]. Обладал Эйя и многими другими весьма ответственными должностями и почетными званиями. Был он, в частности, и «начальником лучников» [99, с. 32]. При юном Тутанхамуне Эйя стал визирем и фактическим правителем Египта [97, с. 68].

¹⁰ «Красавица, прекрасная в диадеме с двумя перьями, владычица радости, полная восхвалений», «преисполненная красот» — так называет Нефертити Эйя [47, с. 59; 492, с. 122].

¹¹ Может быть, от этого проистекает и ярко выраженная интимность искусства времени Эхнатона, особенно заметная в откровенно реалистичном, доходящем до гротескного натурализма изображении членов семьи реформатора.

О сплоченности семьи Аменхотепа III и Аменхотепа IV сообщают некоторые письма из тель-эль-амарнского архива. Об этом свидетельствуют, например, те два письма Тушратты, в которых митаннийский царь просил вдовствующую царицу Тейю, поскольку она хорошо была осведомлена о государственных делах своего покойного мужа Аменхотепа III, оказывать политическое влияние на своего сына Аменхотепа IV, а Аменхотепа IV советовал консультироваться со своей матерью Тейей (письма 26; 28). О том же говорит и письмо Буррабуриаша к Аменхотепа IV, в котором вавилонский царь объяснял незначительность своего подарка, отправленного им для Нефертити («для хозяйки твоего дома»), тем, что он на Нефертити обижен, так как «она не сделала для меня ничего, о чем я просил» (письмо 11, стк. 23) [353; 404].

¹² По словам Р. Силверберга, «политические аспекты революции (т. е. реформы Эхнатона.— И. С.) были работой таких влиятельных советчиков, как царица Тейя и ее брат, „отец бога“ Эйя» [525, с. 52]. М. Э. Матье писала: «Создается впечатление, что Эйя был по крайней мере одним из ближайших сподвижников Эхнатона во всех его мероприятиях, если не инициатором этих мероприятий» [47, с. 95].

¹³ Идея отождествления сущностей Атона и Эхнатона была настолько важной в новом религиозном учении, что она подчеркивалась и на первом этапе его становления. Так, в одной ранней надписи, в которой Атон уподобляется Ра-Горахте и наделяется наименованиями других солнечных образов, он же охарактеризован и в качестве Ка царя, царя Верхнего и Нижнего Египта (т. е. Эхнатона), и, таким образом, представлен единосущным с фараоном [144, с. 12—18].

¹⁴ Слово «Атон» первоначально обозначало видимый солнечный диск [314, с. 51].

¹⁵ Представление об Атоне как новом, специфическом солнечном божестве вызревало постепенно в семье фараона-реформатора. Еще в годы царствования [С. 215] отца Эхнатона Аменхотепа III прогулочное судно царицы Тейи называлось «Сияние Атона», что, по-видимому, отражало первоначальную трактовку Атона в качестве сияющего солнечного диска. Однако вскоре Атон стал мыслиться как особое божество, о чем, возможно, свидетельствует титул «управляющего дворцом Атона», зафиксированный в фиванской гробнице № 41, относящейся ко времени царствования Аменхотепа III [242, с. 217].

¹⁶ Развитие проповедуемой Эхнатоном религии отражалось в изменении полного наименования Атона. Последнее обстоятельство представляется очень важным для датировки памятников времени Амарны, о чем свидетельствует огромный, собранный и классифицированный Ю. Я. Перепелкиным материал [69].

¹⁷ Позднее эту функцию выполнял специально назначенный Эхнатоном жрец Мерира с гелиопольским титулом «Урмау». [С. 216]